

АЛЕКСАНДР ТАТАРСКИЙ:

Я сноб и клоун

Культура. - 2004. -
15-21 апр. -
с. 12

Александр ТАТАРСКИЙ — заслуженный деятель искусств, лауреат Госпремии РФ. Окончил Киевский театральный институт и курсы художников-аниматоров, сделал более двадцати мультипликационных фильмов, в том числе «Пластилиновую ворону», «Прошлогодний снег», «Следствие ведут Колобки», «Унесенные ветром», «Красные ворота Расемона». Обладатель многих призов и премий. Президент Российского фестиваля анимационного кино в Суздале. Художественный руководитель компании «Пилот». У него всегда большая клетчатая тетрадь под мышкой.

Для новых идей и сюжетов.

— Александр Михайлович, как вам больше нравится — когда вас называют мультипликатором или аниматором?

— Абсолютно все равно. Вообще во всем мире термин «мультипликатор» не употребляется. Мы долго бились за то, чтобы ввести «анимационную» терминологию, а когда ввели, стало неинтересно.

— На своей студии «Пилот» вы занимаетесь не только фильмами, но и клипами, рекламой... Странное совмещение художника и бизнесмена.

— Да, неприятное. Но когда студия создавалась, я же этого не знал. Теперь знаю — но поезд уже ушел. Кстати, все равно это все — мультипликация. К тому же снимаем рекламу не постоянно, а только когда к нам обращаются с соответствующими просьбами. И если нам это интересно. Сейчас реклама не является основным источником дохода студии.

— Чем вы скорее готовы пожертвовать — творчеством или бизнесом?

— А уже ничем. Это ловушка. Вопрос некорректный — типа «кого больше любишь — папу или маму?». И то и другое надо делать. Взялся за гуж... Для меня нереально уйти на другую студию и начать работать там режиссером. Также нереально то, что я брошу студию и буду заниматься только бизнесом. Все равно эти два воза надо тянуть.

— Говорят, в 88-м году вы набирали людей к себе чуть ли не с улицы.

— Всегда так было. И не чуть — а именно с улицы. По объявлению.

— А анимация ведь считается искусством для избранных...

— Да враки все это! Когда считалась? У кого? Мы отбирали людей на жесткой конкурсной основе и очень хорошо учили — так, как мало где учат в мире.

— Даже во ВГИКе?

— А вы много знаете хороших режиссеров-аниматоров, окончивших ВГИК? Вот вам и ответ. А наших полно. Почитайте, к примеру, каталог КРОКа. Конечно, нужно понимать, что ВГИК дает высшее образование, а у нас — только курсы, нацеленные на получение практической специальности. Но курсы очень хорошие. Наши ребята работают не только в «Пилоте», но и за границей, в том числе в Голливуде — там целая команда наших «пилотов» трудится, причем успешно. Это и приятно, и больно. Я же в них вложил очень много сил, времени и знаний. Я за них, конечно, очень рад, но это в общем неправильно. Их я не осуждаю. Если собрать всех наших выпускников вместе — это будет лучшая студия мира. Надоело обогреть Вселенную. Мы их учим бесплатно, а потом они уезжают. Я же не уехал. А мне, наверное, одному из первых наших мультипликаторов предлагали всерьез Америку. Но мне туда не хотелось.

— Почему «Пилот» изначально считался студией абсолютно нового типа?

— Потому что не был осколком «Союзмультфильма». Тут никогда не работал ни один человек с другой студии. Все обучались в «Пилоте». Из опытных были только я и Игорь Ковалев. Все остальные — новички. И вся программа «Пилота» за 15 лет — это в основном дебюты. У нас каждый фильм с наградой. Такого показателя нет ни на одной студии.

— Но сейчас любой «чайник» может за компьютером «снять» мультфильм...

— И мы видим чудовищный результат. Раньше надо было долго работать, учиться. Сейчас любой, у кого дома есть компьютер, может делать кино. Понятно, что в анимацию хлынул поток тех, кому хочется самовыразиться. Результат не замедлил сказаться. Подавляющее большинство этих фильмов — дилетантские. Иначе не было не могло. И это проблема не только русской анимации, это мировая проблема. Сбылась мечта Ленина о том, что каждая кухарка может руководить государством, а также заниматься искусством. Это, видимо, анимация кухарок.

— А как вам пришла в голову идея во время путча 91-го года сделать о нем мультфильм?

— Пришел Михаил Алдашин, предложил идею, чего-то и я придумал. Мы сидели на студии, а она была расположена очень близко от Белого дома. И часть студийцев ночью ходили туда в оцепление, а днем делали кино. Все были очень голодные — магазинчики поблизости закрылись. Кто-то притащил огромную головку сыра. Вот и ели сыр с хлебом. В тот день, когда путч провалился, наш одномоментный фильм, который мы сделали за три дня, был готов, и его показали по всему миру.

— А это важно для человека, работающего в анимации, быть знаменитым?

— Если вам какой-то художник скажет, что он не тщеславный — нагло соврет. Вопрос в степени и мере это-

го тщеславия. Я никогда не делал фестивальные фильмы. Всегда старался сидеть на двух стульях — чтобы получить приз на фестивале и чтобы достаточно большой аудитории созданное мной было интересно. Есть один зритель, для которого все делаю: я сам. Но я же не марсианин. Если мне интересно — всегда найдется некоторое число людей, у которых восприятие похоже на мое.

— Почему все-таки вы решились податься в мультипликацию?

— Через отца я был связан с цирком. Папа писал тексты для всех известных клоунов — Никулина, Шуйдина, Олега Попова. Я рос за кулисами цирка, общался с артистами, они приходили к нам домой. Смотрел на них и мечтал стать клоуном. И осуществил свою мечту. Потому что мультипликация — это частично клоунада. Когда в Киеве открыли студию, отец стал писать сценарии для фильмов. Я там ошивался лет с двенадцати, и у меня не было сомнений, кем стать. Я мечтал о студии в том возрасте, когда дети мечтают быть космонавтами и милиционерами. Потом пришло желание делать свое кино. И через несколько лет у меня в Киеве была настоящая подпольная студия. В мастерской стоял профессиональный станок, за которым мы работали. Точнее, учились. Но первый фильм, который дошел до зрителя, — «Пластилиновая ворона». Это было уже в Москве.

— Но киевские работы вы кому-то ведь показывали?

— Показали Хитруку, Норштейну и другим. Я и попал в Москву благодаря этим работам.

— В Москве вы начинали с «Союзмультфильма»?

— Нет, я там никогда не работал. На телевидении была вторая студия — «Мульттелефильм». Я работал там. А с «Союзмультфильмом» всегда дружил, относился к коллегам с большим уважением. Правда, не ко всем... Некоторые просто были мне неинтересны. Я сноб. Люблю людей, которые интересны.

— Какой пластилин вы использовали в «Пластилиновой вороне»?

— Да обычный детский пластилин, купленный в магазине. Пластилиновые фильмы делали в мире — американцы, чехи. Но я об этом ничего не знал, живя за «железным занавесом». Мы изобрели эту технологию сами. То, как мы делали, отличается от того, как это делали на Западе.

— Как в момент появления приняли эту вашу картину?

— Она сразу же была запрещена. Потому что не призывала строить коммунизм и светлое будущее. Не упоминала о руководящей роли партии. Мне тогда очень помог Эльдар Рязанов — взял и целиком показал фильм в «Кинопанораме». И никого не сняли с работы, все успокоились и стали его показывать.

— Так вы, Александр Михайлович, почти диссидент?

— А что? Все мои первые фильмы запрещались. Даже заставка «Спокойной ночи, малыши!» лежала на полке. И «Прошлогодний снег» был запрещен. Меня вообще пытались выжать из Москвы обратно в Киев, не брали в штат студии. Много чего было веселого. Это одна из причин, почему я хотел создать свою студию.

— А не было соблазна сделать «Ворону-2» или 3, раскрутить бренд?

— Нет, это самое глупое, что можно было сделать. Успех доить нельзя. Он всегда единичен.

— В Америке думают по-другому...

— Это в Америке. А у меня было шутное кино. Меня потом замучили однотипными сценариями. Но я не хотел делать похожее. У меня все фильмы абсолютно разные.

— А какую технологию вы все-таки предпочитаете?

— Любая может быть. Но рисованную больше люблю. Потому что там можно что-то подправить. Пластилин опасен тем, что любую ошибку исправить невозможно — надо переиснимать все. Я не умею работать на компьютере. Принадлежу к другому поколению. Пленочный я человек. Но тружусь с людьми, которые умеют работать на компьютере, а я знаю, что от него можно добиться.

— Что все-таки требуется от аниматора?

— Во-первых, он должен быть хорошим рисовальщиком. Но этого мало. Аниматор играет за персонажа. Это актер, который умеет рисовать, а не художник, который занимается актерством. Он должен быть музыкантским человеком с потрясающим чувством ритма, дизайнером, наконец, просто работоспособным. Ни в какой другой профессии не рисуют столько картинок, сколько вынужден рисовать мультипликатор. Он должен иметь медную задницу. Хороших мультипликаторов мало.

— После перестройки их стало больше?

— Да, количественно. Но качества нет.

— А что же старые мастера?

— У многих пауза. Норштейн делает свою «Шинель». Но медленно. Денег нет. Люди, которые имеют деньги, скажем мягко, не обладают талантом их тратить.

— Но ведь деньги дают под фигуру?

— В мультипликации — нет. У нас почти нет полнометражного мультипликационного кино. А это единственный вид мультфильма, который может быть коммерчески состоятельным. Сейчас таких фильмов делается очень мало. И они снимаются людьми если не случайными, то начинающими, не доказавшими свое право на это. Должен вас огорчить — «Карликом Носом» Запад не удивился. Хотя это лучшее, что сделано у нас в полнометражной анимации.

Отечественная мультипликация жива практически только благодаря поддержке Службы кинематографии Министерства культуры. Иначе этот вид искусства совсем бы захирел. Кстати, мало в каких странах так поддерживают мультипликацию, как в России. Вопрос в том, насколько эффективно, правильно вкладывают деньги.

— Российских аниматоров знают в мире?

— Если говорить о широкой западной публике, о прокате — нас как не знали никогда, так и не знают. Россия на международном анимационном экране равна нулю. Нет анимационной державы под названием Россия. Нет у нас широкого международного зрителя. И не надо себя тешить иллюзиями. Но существует другой мир — фестивальный. В этом кругу профессионалов российская анимация широко известна. Как и наш фестиваль «КРОК». Но это в узком кругу себе подобных. Не надо путать.

— У вас есть неосуществленные проекты?

— Очень много. С одной стороны, я никогда не делал того, чего я не хотел бы делать. И заставить меня было невозможно. В самые суровые советские времена. Отдельная история, как меня заставляли делать мультфильм пионерской тематики и как я нашел противоядие. Понял, как с ними, коммунистами, надо бороться. Я хотел снимать «Прошлогодний снег», а мне говорили, что надо снимать что-то про пионеров, собирающих металлолом. Я сопротивлялся и орал. Скандал длился четыре дня. А на пятый я пришел и сказал: «Хорошо. Я хочу снимать мультфильм про Ленина». Тут они напряглись: «Это что еще за мультфильм?» «Ну как, — говорю, — Ленин был очень веселый человек. Сделаю смешное кино про Ленина — все обхохочутся». Они поняли, что положить на стол партбилеты за такое кино. Спросили: «А можно не про Ленина?» — «Я известный режиссер, хочу про Ленина». Две недели ходил и требовал — хочу про Ленина! Еще потом придумал, что фильм будет по рассказу Зощенко про Ленина. И добился того, чего хотел, — делай что хочешь — только не про Ленина! И я сделал «Прошлогодний снег».

Но я, конечно же, к большому своему горю, многого не сделал из того, чего хотел.

Когда-то мечтал о полнометражном фильме в анимации. Он был сделан вчерне в 93-м. Но началась инфляция. Денег не было, нас перестали финансировать. Были выделены средства, но их мы не получили. Все ушло другим людям. И с брошенным фильмом случилась техногенная катастрофа. Его снимали на целлулоиде казанского производства («Тасма» — был такой завод). Пленка оказалась бракованной, пошла пузыряться. Фильм можно восстановить при помощи компьютера. Но это очень сложная работа. «Приключения братьев пилотов» — другой проект, который я тоже бросил, и он уже уничтожен временем.

Слава Богу, «Унесенные ветром» восстановили. Этот мультфильм должен был быть готов еще в начале 90-х. Главная его героиня — тушка курицы. Мы его почти сделали и бросили из-за инфляции. Фильм много лет валялся в шкафу, потом в помещении тыщью прорвало трубу — и на шкаф с тысячами рисунков пролился кипяток. И все пропало. Но мы нашли в себе силы и доделали его в конце 90-х. Он прошел по всем фестивалям. Кстати, помните рекламу — улетающие клином окорочка? Из нашего фильма содрали. Один наш художник ушел в рекламное агентство и там эту идею продал. Много чего другого не осуществилось. И я уже понимаю, что не сделаю этого. Просто не успею. Зато сейчас у нас на студии делается большой проект — «Гора самоцветов». Это «Сказки народов России» — 52 анимационных фильма по 13 минут. Им студия будет заниматься в ближайшие годы.

Беседу вела
Наталья БОБРОВА
Фото Дианы РАДБЕЛЬ

А. Татарский